

М. С. Абраменков, А. Г. Сараев

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО

УЧЕБНИК ДЛЯ СПО

Ответственный редактор — **В. А. Белов**

2-е издание, переработанное и дополненное

Рекомендовано Учебно-методическим отделом среднего профессионального образования в качестве учебника для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 34(075.32)
ББК 67.404.5я723
А16

Авторы:

Абраменков Михаил Сергеевич — кандидат юридических наук, заместитель главного редактора федерального научно-практического журнала «Наследственное право»;

Сараев Александр Геннадьевич — кандидат юридических наук, автор ряда публикаций — монографий и научных статей по проблемам наследственного права, в том числе сравнительного наследственного правоведения.

Ответственный редактор:

Белов Вадим Анатольевич — доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Автор многочисленных публикаций — монографий, учебников и статей — по различным вопросам торгового (коммерческого) и гражданского права.

Рецензенты:

Латышев А. Н. — кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Института предпринимательства и права Уральского государственного юридического университета;

Подшивалов Т. П. — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Юридического института Южно-Уральского государственного университета (научно-исследовательского университета).

Абраменков, М. С.

A16 Наследственное право : учебник для СПО / М. С. Абраменков, А. Г. Сараев ; отв. ред. В. А. Белов. — 2-е изд., пер. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 347 с. — (Серия : Профессиональное образование).

ISBN 978-5-534-09803-7

Учебник содержит полный курс наследственного права России, подготовленный на основе лекций, в течение ряда лет читаемых авторами в различных высших учебных заведениях страны. В книге отражены последние достижения отечественной цивилистической доктрины, критически проанализирована судебная практика последних лет, сформулированы рекомендации по толкованию и применению законодательства. Дается очерк исторического развития наследственного права от Древнего Рима до наших дней, проводится сравнительно-правовой анализ регулирования наследственных отношений в праве некоторых зарубежных государств — Германии, Франции, Англии, США, Украины, рассматриваются нормы, регламентирующие наследование в международном частном праве.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования и профессиональным требованиям.

Для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования, обучающихся по юридическим специальностям, а также всех тех, кто интересуется частным правом.

УДК 34(075.32)
ББК 67.404.5я723

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

© Коллектив авторов, 2013
© Коллектив авторов, 2018, с изменениями
© ООО «Издательство Юрайт», 2019

ISBN 978-5-534-09803-7

Оглавление

Предисловие	6
Методические замечания	16
Принятые сокращения	19
Глава 1. Наследование в римском частном праве	21
1.1. Общие положения	21
1.2. Наследование по закону (ab intestato).....	23
1.3. Совершение завещания	28
1.4. Содержание завещания.....	32
1.5. Обязательная доля в наследстве	35
1.6. Принятие наследства	37
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	39
<i>Литература</i>	40
Глава 2. Очерк истории отечественного наследственного права ...41	
2.1. Наследственное право России до Свода законов Российской империи	41
2.2. Наследственное право в проекте Гражданского уложения Российской империи 1814 года.....	48
2.3. Порядок наследования по Своду законов Российской империи (1835—1917 годы)	52
2.4. Нормы наследственного права в проекте Гражданского уложения Российской империи 1906 года	57
2.5. Условные завещания в наследственном праве дореволюционной России	62
2.6. Наследственное право советского периода (1917—1991 годы)	64
2.7. Российское наследственное право в 1991—2002 годах	72
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	73
<i>Литература</i>	73
Глава 3. Общие положения о наследовании	75
3.1. Понятие и источники наследственного права	75
3.2. Понятие и основания наследования.....	79
3.3. Открытие наследства	82
3.4. Наследственное имущество и его состав	86
3.5. Наследники.....	91
3.6. Правовая форма наследственных отношений (постановка проблемы).....	102
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	105
<i>Литература</i>	105

Глава 4. Наследование по завещанию.....	107
4.1. Вводные замечания	107
4.2. Понятие и признаки завещания	111
4.3. Теоретические проблемы правовой природы завещания.....	121
4.4. Свобода и содержание завещания	128
4.5. Имущество как объект завещательного распоряжения	155
4.6. Обязательная доля в наследстве	164
4.7. Общий порядок совершения завещания. Формы завещаний.....	169
4.8. Отмена и изменение завещания.....	179
4.9. Толкование и исполнение завещания	184
4.10. Недействительность завещания	195
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	202
<i>Литература</i>	202
Глава 5. Наследование по закону.....	204
5.1. Понятие и общая характеристика наследования по закону	204
5.2. Наследники первой—третьей очередей	211
5.3. Наследники четвертой—шестой очередей	223
5.4. Призвание к наследованию свойственников наследодателя	225
5.5. Нетрудоспособные иждивенцы наследодателя.....	228
5.6. Наследование усыновленными и усыновителями	240
5.7. Права супруга при наследовании	243
5.8. Выморочное имущество.....	245
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	253
<i>Литература</i>	253
Глава 6. Приобретение наследства.....	255
6.1. Правовой режим наследственного имущества после открытия наследства и до принятия его наследниками («лежачее наследство»)	255
6.2. Принятие наследства. Наследственная трансмиссия	257
6.3. Отказ от наследства.....	269
6.4. Приращение наследственных долей	275
6.5. Оформление права на наследство	277
6.6. Раздел общего имущества наследников	280
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	287
<i>Литература</i>	287
Глава 7. Наследственное право зарубежных стран	288
7.1. Источники наследственного права.....	288
7.2. Наследование по закону.....	290
7.3. Наследование по завещанию	296
7.4. Условные завещания	303
7.5. Договор о наследовании	313
7.6. Недостойные наследники	315
7.7. Приобретение наследства	320
7.8. Выморочное имущество.....	324
<i>Литература</i>	325

Глава 8. Наследование в международном частном праве	326
8.1. Наследственный статут (Lex successiois)	326
8.2. Статут наследования в российском праве.....	330
8.3. Коллизионные вопросы наследования по завещанию	338
8.4. Международно-правовое регулирование наследования	340
<i>Литература</i>	342
Программа курса	344
Новые издания по дисциплине «Наследственное право».....	346

Предисловие

«... Изложение наследственного права было всегда наиболее трудным из всех частей гражданского права»¹ — заметил однажды один из русских советских цивилистов. Нельзя не согласиться с этим утверждением.

Существо понятия наследования таково, что даже просто самое отношение к наследственному праву — продукту практического воплощения понятия наследования — в различные времена, у различных народов и социальных групп, в рамках различных философских доктрин было и остается полем ожесточенных поединков, нередко принимающих весьма острые формы. Судя по тому, что наследственное право — несмотря на всю его сложность и неоднозначность — составляет институт, в том или ином виде известный *всем* современным правовым системам, можно предположить, что большинство населения планеты считает именно наследование *наиболее адекватным способом определения посмертной судьбы имущества граждан*. Есть, конечно же — и их тоже немало — лица, усматривающие в институте наследования *воплощение высшей социальной несправедливости и источник едва ли не половины всех бед человеческого рода*: без их активной деятельности история конечно не дала бы нам примеров политических режимов, отказывавших в признании права наследования за своими гражданами и подданными. А ведь существует еще и третья категория граждан, с пеной у рта ратующих как за посмертную, так и прижизненную *национализацию имущества собственных соседей*, но при том готовых с не меньшей искренностью и яростью *вцепиться в глотку любому, кто даже невольно окажется на пути реализации их собственных наследственных прав*. Не будь таких — многие классические детективы Артура Конан-Дойла и Агаты Кристи никогда и не были бы написаны².

¹ Бугаевский А. А. Советское наследственное право. Одесса, 1926. С. 3.

² И за российскими примерами далеко ходить не надо. Вот один из них: «... в сентябре 1996 г. Архипов незаконно купил в кафе г. Сальска ручную гранату и запал к ней, которые хранил дома. 19 ноября 1996 г. он принес гранату и запал к дому, где проживала его родственница Хилобокова З., и из корыстных побуждений, желая единолично вступить в наследство, с умыслом на убийство Хилобоковой З., бросил в форточку окна ее спальни гранату. В результате взрыва находившейся в квартире Евтушенко была причинена травма головы, а Хилобоковой З. — материальный ущерб: повреждено имущество на сумму 44 348 946 руб. ... Архипов не отрицал, что имел гранату и в споре со своей теткой из-за наследства метнул гранату в ее комнату, а затем убежал ...» (Определение кассационной палаты Верховного Суда РФ от 13 января 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 8; выделено мной. — В. Б.).

На этом (весьма безрадостном) фоне многие факты (в том числе некоторые общеизвестные), на первый взгляд, абсолютно неправдоподобные, приобретают, увы, вполне закономерный вид. Про окно спальни и брошенную в него гранату мы уже упоминали; у тех, кто ознакомится с предлагаемым пособием, будет еще немало случаев столкнуться с настоящими африканскими страстями, разворачивающимися вокруг хоть сколько-нибудь ценных наследств. Но все это — факты биографий рядовых российских граждан — факты, тем лучше объяснимые, что лишь в последние 10—15 лет у них едва-едва появилось то имущество, за счет которого можно было бы — в том числе передавая и получая его по наследству — обеспечить более-менее благополучное существование для самих себя и своих близких. А что же юристы?

Во всех жизненных ситуациях, имеющих хотя бы отдаленное отношение к чьим-нибудь правам наследования весь ропот недовольства, все возмущение, весь праведный гнев и все мыслимые ушаты грязи выливаются обойденными, обделенными и обиженными, в первую очередь, на головы *юристов*, рискнувших взяться за ведение наследственных дел. Юристами вообще всегда кто-нибудь да недоволен: выиграешь дело — противная сторона начнет вынашивать замыслы о твоём убийстве, а проиграешь — может искушать и собственный клиент. Про дела же, которые касаются наследств, нечего и говорить. Здесь под горячую руку недовольных попадают буквально все — от нотариусов, судей и адвокатов до Президента РФ, законодателей и ученых, которые имели неосторожность без всякой задней мысли высказаться в смысле предпочтения ими позиции той или другой стороны какого-нибудь наследственного спора, описанного в опубликованном судебном акте¹. Понятно, что такая обстановка слабо стимулирует специалистов к тому, чтобы заниматься объективной разработкой научных и практических проблем наследственного права: выполнить бы классическую «течку», сохранив при этом профессиональную репутацию, душевное равновесие, свободу и жизнь! Если еще и *научное изучение* на все это нагромоздить... А ведь научных проблем у нашего института — несмотря на его повсеместное распространение и многовековое существование — пруд пруди. Ведь даже по вопросу о природе самого наследственного права в субъективном смысле этого слова — права на принятие наследства — так и не сформировалось сколько-нибудь широко признанного взгляда!

Про проблемы практические — лежащие в сфере толкования и применения законодательства о наследовании — скажем буквально несколько слов. Вот, например, такой факт: для разработки и принятия раздела V действующего ГК РФ — раздела, посвященного наследствен-

¹ На меня, например — автора настоящего предисловия — за комментариев к определению Конституционного Суда РФ от 19 июня 2007 г. № 463-О-О (Практика применения Гражданского кодекса РФ частей второй и третьей. 2-е изд. М.: Юрайт-Издат, 2011. С. 1413—1414) были повешены ярлыки «главного фашистского преступника» и «участника банды изуверов».

ному праву — потребовалось без малого *шесть лет!* Мы не случайно говорим о разработке и принятии одного только *раздела V*, а не всей третьей части ГК РФ, поскольку именно она была не просто основным, но единственным предметом экспертной правки, парламентских слушаний и думских дебатов. По другому разделу третьей части — о международном частном праве — в ходе обсуждения, доработки и принятия Государственной Думой не было сделано *ни одного замечания*. Подчеркиваем: *ни одного!* Ну нет у нас специалистов по МЧП — ну что тут поделывать! Зато по наследственному праву — хоть отбавляй! По всей видимости, нет в России человека, который не разбирался бы в погоде, дорожно-транспортных происшествиях, футболе и ... наследственном праве. Это с одной стороны. Но есть и другой, чуть менее известный факт: *против обновления наследственного права возстало ... судебское сообщество!* «Не нужно нам никаких новых норм о наследовании!» — таков был основной лозунг инсургентов, — мы только-только, извините, наблатыкались с нововведениями, внесенными Основами гражданского законодательства 1991 года! Переучиваться раз в десять лет — это для судей, извините, слишком! Комментарии излишни.

Или вот такой, например, любопытный факт, на этот раз, из моей личной практики. Некий человек интересуется: как выгоднее передать квартиру в собственность ребенку — подарить или завещать? Последнее, вроде как, получается дешевле (дело происходило в период действия налога с имущества, переходящего в порядке наследования и дарения), но почему-то несмотря на это несколько человек посоветовали прибегнуть к дарению — интересно почему? Ну, наверное, потому — рискнул предположить я — что для того, чтобы ребенок получил квартиру по завещанию, нужно не только составить это завещание, но и ... умереть. «Да?!» — изумлению собеседника не было предела. Во всем этом не было бы ничего необычного, если бы моим собеседником не был ... *юрист с 20-летним стажем, возглавлявший юридическую службу одной из крупнейших российских компаний и имевший ученую степень доктора юридических наук!*

Или вот еще (тоже из моего собственного, что называется, архива). Некто умер, оставив небольшое наследство, в том числе дом в деревне. Наследников двое — сыновья, стало быть, два брата. Один из братьев — видимо, приверженец городской жизни — похоронив отца, пошел в нотариальную контору, где написал заявление об отказе от причитающейся ему доли наследства «... в пользу своего брата Анатолия», а второй — заявление о принятии наследства. Прошло восемнадцать (!) лет. Грянули перестройка, ускорение, гласность, а вслед за ними пришли и рыночные отношения. Отказавшийся от наследства обратился с иском «... к брату Анатолию» о ... выделе причитающейся ему доли из наследственного имущества. Как вы полагаете, уважаемые читатели, сколько времени рассматривалось дело? Час? Два? День? Месяц? Как бы не так: *два с половиной года!* Никто не верит, когда я об этом рассказываю, в особенности, студенты и молодые юристы: все пожимают плечами

и крутят пальцем у виска — да что ж там было рассматривать-то?! И это при наличии нотариально удостоверенного отказа от наследства и шестикратно истекшей исковой давности?! В ответ на эти и множество других соображений судья неизменно повторяла один-единственный тезис: «*Но ведь его никто не лишил наследства!*». Излишне говорить, что «дело» завершилось удовлетворением иска — натуральным выделением доли дома «обделенному» брату. Да, вышестоящий суд это решение отменил, и тем не менее, тем не менее!

Я никак не могу назвать себя человеком, специализирующимся на наследственных делах — если я получаю прикосновенность к некоторым из них, то лишь в единичных случаях и чисто случайным образом. Но даже я могу припомнить еще, минимум, с десяток ситуаций, не свидетельствующих ни о чем другом, кроме как о *вопиющей безграмотности юристов* — адвокатов, судей, нотариусов — занимающихся наследственными делами, об их стремлении разрешать такие дела не столько «по праву», сколько «по жизни», ну и, разумеется — и это главное! — *об отсутствии у них всякого желания хоть что-то менять в сложившейся ситуации*. «Суду уже все ясно!». И не только суду — всем остальным юристам тоже. Грустно.

В таких условиях создавать учебные пособия по наследственному праву — дело столь же благородное, сколь и неблагодарное. Нельзя, конечно, считать случайностью, что за время действия третьей части ГК РФ таких пособий создано не так уж много. Наследственное право преимущественно рассматривается в качестве органической части (в составе) либо комментариев к Кодексу, либо учебников гражданского права: приходится рассматривать, ибо ни там ни там возможности избежать такого рассмотрения не имеется. Среди *учебных руководств* по наследственному праву, напечатанных в последние 12 лет, можно было бы назвать пособия В. Н. Гаврилова (Саратов, 2000), Ю. Н. Власова и В. В. Калинина (М., 2002), С. П. Гришаева (М., 2002), Д. В. Гущина и Ю. А. Дмитриева (М., 2002/05), Е. В. Субботиной (Магнитогорск, 2002), М. А. и С. С. Шевчук (Ставрополь, 2003), Н. А. Волковой и А. Н. Кузбагарова (М., 2004/05/07/09/10), под ред. К. Б. Ярошенко (М., 2005), А. В. Никифорова (М., 2008), А. А. Кирилловых (М., 2011) и еще буквально несколько других. На фоне того обилия литературы даже по откровенно второстепенным, не заслуживающим специального рассмотрения, вопросам, которым характеризуется современный период российского юридического литературного учебного творчества, столь незначительное *число* учебных изданий по одной из классических гражданско-правовых тем не может не удивлять. И дело здесь не столько в том, что наследственное право сегодня остается одной из немногих областей юридического знания, еще не вполне проникнутых коммерческими началами, но в первую очередь — в установленной с молчаливой подачи ученого и судейского сообщества парадигме: *в наследственном праве все изучено и всем все понятно, туда лезть — только мешать работать!* Ну а о качестве подобных пособий говорит уже то, что

среди их авторов репутацией специалистов по наследственному праву пользуются, пожалуй, только Ю. Н. Власов, В. Н. Гаврилов, А. В. Никифоров и К. Б. Ярошенко¹; все остальные — странники, волею судьбы забредшие «на огонек» наследственного права, и способные уделить ему не больше внимания, чем любым другим разноплановым юридическим вопросам, которым посвящены их другие труды², увы, не пользующиеся (несмотря на их многочисленность) сколько-нибудь широкой известностью. Не будет лишним указать также и на то, что на статус *полноценного учебного курса* современного российского наследственного права может претендовать, пожалуй, только одно из перечисленных изданий (пособие под ред. К. Б. Ярошенко 2005 года) — кстати сказать, наиболее основательно использованное при подготовке настоящей книги.

Чем — помимо высоко профессионального и приятно доступного изложения материала (то и другое читатели, несомненно, оценят) — характеризуется анонсируемое пособие?

Заслуживает всяческой похвалы стремление авторов не просто *изложить* (описать) позитивное наследственное право современной России, но и *показать его место в общеисторическом наследственно-правовом наследии* (прошу прощения за каламбур!) *человечества*. Авторы достигли этой цели путем включения в Курс материалов исторического и компаративистского свойства, расширяющих читательскую эрудицию едва до не энциклопедического характера. Объем подобных сведений столь значителен, что становится предметом самостоятельного рассмотрения и даже обособления на уровне отдельных глав. Собственно, четыре главы из восьми — о наследовании в римском, русском и иностранном праве (главы 1, 2 и 7), а также о коллизионных аспектах регулирования наследственных отношений (глава 8) — или одна треть Курса посвящены рассказу о том, как *было дело* прежде и как оно *в принципе могло бы* обстоять теперь. А ведь это еще не все, ибо части энциклопедического рассказа запрятаны и в тематических главах о современном наследственном праве: так, в Курсе нет *ни одной* (!) темы, при рассмотрении которой авторы позволили бы себе ограничиться разбором институтов, сконструированных из норм одного только раздела V Гражданского кодекса — текст изобилует ссылками

¹ Да, разумеется, существует еще любопытное пособие О. Ю. Боровик и В. Б. Паничкина (СПб., 2006), монографии А. Е. Казанцевой (Барнаул, 2011) по наследственным правоотношениям и Ю. Б. Гонгалю (М., 2010) по юридическим фактам наследственного права, а также несколько историко-правовых и диссертационных публикаций. Но первое из названных здесь пособий посвящено наследственному праву США (и, следовательно, вряд ли может считаться имеющим прямое отношение к нашей теме), а что касается монографий и диссертаций, то их (при всей ценности некоторых положений, в них выдвинутых и обоснованных) вряд ли можно считать изданиями учебного назначения.

² От перепланировки жилых помещений, дисциплинарной ответственности сотрудников милиции и патентов на изобретения — до переработки под таможенным контролем, членства в колхозе и ценных бумаг.

на нормы других его разделов, на иные законодательные, а также подзаконные, рекомендательные и даже чисто технические акты. О широком использовании *научной наследственно-правовой литературы*, в том числе дореволюционной и советской, нечего и говорить: ни одно издание не может претендовать на статус учебного пособия, если его автору самому необходимо подучиться. В этом отношении эрудиция наших соавторов безукоризненна. Не могу удержаться от того, чтобы не отметить, что в части литературных указаний авторам неизменно удалось держаться принципа необходимого минимума: при том, что книга не производит впечатление перегруженности библиографией или сносками, необходимые указания о всех тех пособиях, без которых учащийся вряд ли сможет составить себе представление о существовании изучаемой проблематики, в пособии наличествуют.

Ценность такого — в настоящем смысле комплексного — подхода к изучению наследственного права не подлежит сомнению. Читатель, не вполне располагающий информацией догматической, исторической и сравнительной, уж конечно никак не сможет ни *оценить* состояние современного российского наследственного права, параметры которого ему просто не с чем будет сравнить (а без сравнения — какая ж может быть оценка?), ни *составить сколько-нибудь исчерпывающего представления* о самом этом состоянии, ни *понять*, наконец, как же современное российское наследственное право реально применяется («работает»).

Догматическая часть Курса построена по *традиционному* (для нашей учебной литературы) *плану*. За положениями, общими для всех случаев и оснований наследования (глава 3), рассматривается проблематика наследования по завещанию (глава 4) и закону (глава 5), после чего вновь следуют положения, общие для обоих типов наследования, но уже не материально-правовые, а, скорее, процедурные или технические — положения о реализации наследственного права, о приобретении наследства (глава 6). Именно так структурирован материал наследственного права в действующем ГК РФ: авторским главам 3—6 соответствуют главы 61—64 Кодекса¹. Думается, что *преемственность систематики (структурирования) материала в сочетании с его оригинальным авторским изложением* — это как раз то, что позволяет работе выполнить свое учебное назначение наиболее оптимальным образом: традиционная структура поможет читателю не растеряться в поиске интересующих вопросов (а авторам — избавиться от необходимости снабжения книги алфавитно-предметным указателем), а авторское изложение оставит впечатление новизны предмета и свежести его восприятия.

¹ Общие положения материального права + две специальных материальных же части + часть из технических (процедурных) норм, имеющих, опять-таки, общее для всех случаев значение — не напоминает ли такая систематика структуру акта, обыкновенно именуемого ... *кодексом*? Любопытно получается: кодекс (Наследственный) располагается внутри кодекса (Гражданского).

Есть, впрочем, и одно структурное несоответствие: в нашем Курсе не обнаруживается аналога главы 65 ГК РФ, посвященной наследованию отдельных видов имущества. Но отсутствие главы в данном случае не означает отсутствия материала, который наши авторы в полном соответствии с его родовидовой категориальной принадлежностью рассмотрели в § 3.4 о наследственном имуществе. В самом деле, выделение гл. 65 ГК РФ отдельных видов имущества, наследуемых по особым правилам, есть, главным образом, ни что иное, как установление специфического гражданско-правового режима некоторых отдельных элементов наследственной массы, а в некоторых случаях — режима имущества, не включаемого в нее, т.е. предметов не наследственного, но иного (сингулярного) посмертного правопреемства. Нет никакой надобности выделять этот материал в особую главу — совершенно логично присоединить его к раскрытию существа понятия о наследственном имуществе, без чего содержание этого понятия просто не может считаться вполне установленным¹.

Несомненный «центр тяжести» Курса — это глава 4, посвященная вопросам наследования по завещанию. Ну а ее ядром, в свою очередь, выступает, конечно же, параграф о свободе и содержании завещания. И это не случайно, ибо свобода (автономия) воли в решении имущественных вопросов есть основная черта общественных отношений, регулируемых частным (гражданским) правом. Да, вынесение норм о наследовании по завещанию на первое место в сравнении с положениями о наследовании по закону, является нелогичным: никто никогда не излагает исключение из общего правила прежде самого этого правила, а наличие завещания — при всем уважении к этому институту — является, все же, исключением из общего правила. Граждане не рождаются вместе с завещаниями и не могут быть обязаны к их составлению; презумпции наличия завещания не существует и не может существовать; стало быть, той презумпцией, на которую мог бы опереться гражданский закон, может быть только предположение об отсутствии завещания и, значит, о наследовании по закону. И хотя соблюдение формальной логики является, бесспорно, одним из важнейших требований как к закону, так и к учебному пособию, думается, что в некоторых случаях

¹ Лучшей иллюстрацией сказанного может послужить обращение к ст. 1112 ГК РФ «Наследство». В состав наследства (наследственного имущества) входит все, нажитое гражданином к моменту смерти, за исключением, само собою разумеется, личных прав — вот та «мораль», которая выводится из этой нормы любым неискушенным в цивилистике читателем. «Все, что нажито непосильным трудом» со смертью гражданина «сваливается» в единую имущественную массу (имущественный комплекс) и как единое целое переходит в равных долях и в равной степени ко всем призванным к наследованию наследникам. «Открытие» в конце раздела V ГК РФ норм, согласно которым не все, хотя бы и «сваленное» в наследственную массу, переходит ко всем наследникам в одинаковой мере, для большинства граждан оказывается полной неожиданностью. Почему? Потому что ст. 1112 ГК РФ, как минимум, неточна: хотя бы о ссылке типа «... если иное не предусмотрено настоящим Кодексом» законодателю, все-таки, следовало бы позаботиться.

его следует отодвинуть на второй план. Случай с институтом завещания — один из них, ибо в его, так сказать, «лице», мы имеем, пожалуй, *высшую точку напряжения ключевого принципа частного права*. Почему? По очень простой и очевидной причине: завещание — центральный (а по практике применения — еще и почти единственный) институт современного российского гражданского права, позволяющий физическому лицу *определить начала организации частных абсолютных имущественных отношений после своей смерти, т.е. отношений с участием других частных лиц*.

В самом деле, с какой точки на завещание ни посмотри — оно уникально. Взгляд, традиционно сводящий его к односторонней сделке (разделяемый, надо заметить, и авторами настоящего Курса), грешит явной (еще один каламбур!) односторонностью, поскольку не принимает во внимание того очевидного факта, что *завещание* (в отличии от всех иных односторонних сделок) *не создает никаких обязанностей для лица, его совершившего (завещателя)*. Не создает и создавать не может, поскольку не вступит в силу прежде, чем совершивший его гражданин скончается и вследствие этого утратит качества субъекта, способного к чему бы то ни было обязываться. А ведь это только одна сторона проблемы — есть еще и вторая, не менее интересная: завещание не только не обязывает совершившего его завещателя, но и *не создает никаких субъективных прав для лиц, в пользу которых оно совершено* (наследников по завещанию), ибо само по себе (вне связи с актом принятия наследства) не означает приобретения завещанного имущества. Хороша же «односторонняя сделка» — акт, не способный создать (а значит, и не направляемый на создание) ни прав, ни обязанностей!

Дело, выходит, заключается не в правах и обязанностях. Юридическое значение завещания состоит в том, чтобы полностью или в части *заместить* собственными предписаниями нормы ГК РФ о наследниках по закону. Скажем прямо: завещание нужно для того, чтобы ... *отменить или изменить положения Гражданского кодекса о наследственной правоспособности — способности быть призванным к наследованию после смерти завещателя*. Выходит, завещание простирает свое значение куда как дальше в сравнении с тем, какое может быть придано канонической односторонней сделке: последняя — акт о субъективных частных правах и обеспечивающих таковые юридических обязанностях, а завещание — *частный акт о гражданской имущественной правоспособности, своеобразный частный закон* (закон, изданный частным лицом). Или — для тех, кому последнее словосочетание покажется кощунственным — *частный акт, постановленный ... против гражданского закона, и, в то же время ... в полном соответствии с ним!* Конечно, это отнюдь не единственная сфера имущественных отношений, из регулирования которой гражданский закон сознательно уходит, вполне оставляя таковое на произвол частных лиц — мало кто не знает, что ГК РФ буквально нашпигован диспозитивными нормами. Но во всех этих случаях речь идет о нормах, посвященных субъективным

правам и юридическим обязанностям; лишь в случае с наследством частным лицам предоставляется возможность пойти далее — направлять свои частные акты (завещания) не на «... установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей», а на работу с рядом содержательных элементов *чужой гражданской имущественной правоспособности*. Да, подобным операциям поставлен ряд законодательных ограничений (самым известным из которых выступает, конечно же, институт обязательной доли в наследстве), но это не отменяет того непреложного обстоятельства, что других актов подобного юридического эффекта наше гражданское право просто не знает¹. Не будем лукавить: авторы не рискнули воплотить эти рассуждения в тексте работы, но лично у меня нет сомнений в том, что именно ими (или какими-то подобными соображениями) они и руководствовались, когда размещали проблематику наследования по завещанию в системе Курса, когда определяли степень уделяемого ей внимания и подробности изложения.

Далее. Хорошо известно, что авторы юридических сочинений, претендующих на энциклопедический охват научного юридического материала, на освещение не только его догмы, но также истории и компаративистики, наконец, на то, чтобы оттолкнуться от столь концептуального теоретического начала, как автономия частной воли, противопоставленная государственному регулированию, нередко «забывают» (или делают вид, что забывают) об аспекте практическом. Спешим сообщить, что наш Курс представляет собой приятное исключение из этого правила; впрочем, выше мы уже пообещали читателю небезынтересное в этом отношении чтение. Не менее приятно подчеркнуть и то, что нашим авторам благополучно удалось избежать и другой крайности, в которую часто впадают комментаторы практики применения законоположений — подменить собственное изложение проблематики бездумным воспроизведением текстов судебных актов по принципам «чем больше — тем лучше», «и надо, и не надо». Этого тоже нет — перед нами как раз тот несчастый случай, когда практический материал подобран со вкусом и цитирован в меру.

Ну и последнее, на чем хотелось бы акцентировать внимание, из числа нестандартных структурных авторских решений — это проблематика *hereditas jacens* (лежащего наследства). Ее рассмотрением открывается глава 6, посвященная *приобретению наследства*, в то время, как обычно она изучается среди вопросов, посвященных охране наследственного имущества и управлению им, а иногда — удовлетворению требований кредиторов наследодателя. Думается, что предложенное авторами Курса решение столь же изящно, сколь и логично, ибо любое

¹ Ну или, во всяком случае, до недавнего времени — пока в обиход и закон не проник институт *соглашений об осуществлении так называемых корпоративных прав* — не знало. Подобные соглашения — пока единственный конкурент завещаниям, но конкурент, кстати, неполноценный, ибо их участники урезают *собственную* правоспособность, в то время как завещатели «работают» с правоспособностью *чужой*.

наследство, *прежде чем стать предметом приобретения*, в течение хотя бы и незначительного времени, но неизбежно пребывает в своем «лежачем» состоянии. Стало быть, предварить вопрос о приобретении наследства вопросом о том *правовом режиме*, который оно имеет до его принятия хотя бы одним наследником — это просто логичный, но, в то же время, еще и не привязанный к конкретным практическим затруднениям, шаг. При таком подходе правовой режим лежачего наследства рассматривается *с принципиальной (общетеоретической) стороны и во всей его полноте*, а не в тех лишь узкоспециальных аспектах, которые выхватываются лучами прагматического света — технических сложностей, возникающих на стадиях охраны, управления и удовлетворения требований кредиторов на стадии, когда наследство никем не принято.

Рассказывать о спорных и просто интересных *содержательных* моментах пособия, способных привлечь внимание читателей, я не буду. Книгу берут в руки для того, чтобы ее читать; да и то, что уже было сказано в предисловии, несомненно, усилит читательский интерес. Стало быть, все содержательные моменты постепенно обнаружатся сами. Хочу пожелать учащимся успеха и попросить отнестись к любым авторским решениям — в том числе и тем, что, быть может, вызовут невольный их внутренний протест — если не снисходительно, то хотя бы благосклонно. Впрочем, полагаю, что поводов для такого протеста не будет много. Вниманию читателя предложен *классический материал, поданный грамотно, четко и ясно*, компетентными в своей области специалистами, почитающими научное наследие предшественников, вносящими посильный вклад в ее развитие и душой болеющими за ее будущность. Перед ним пособие, которое способно не просто *дать учащемуся необходимый объем знаний* (что, вообще-то уже немало!), но к тому же еще и *вдохновить его* (личным примером авторов) на *собственные научные изыскания и практические свершения*.

22 марта 2012 г.,
доктор юридических наук,
профессор кафедры коммерческого права
юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
В. А. Белов

Методические замечания

Курс наследственного права изучается студентами высших и средних специальных юридических учебных заведений гражданско-правовой специализации в качестве специальной дисциплины. Цель курса состоит в усвоении студентами основных положений российского наследственного законодательства, а также доктрины и правоприменительной практики в данной сфере правовой регламентации гражданского оборота.

В результате изучения курса студент должен освоить:

трудовые действия

- представления об основных этапах развития наследственного права в Древнем Риме и его рецепции в современных правовых системах;

- о возникновении и развитии наследственного права в России;
- о системе и видах источников правового регулирования отношений по наследованию;
- о праве наследования в объективном и субъективном смысле;
- о круге лиц, могущих призываться к наследованию, об основаниях, времени и месте открытия наследства, а также о порядке определения состава наследственного имущества;

необходимые умения

- применять полученных знаний на практике;
- необходимые умения
- об основных этапах развития наследственного права в Древнем Риме и его рецепции в современных правовых системах;
 - о возникновении и развитии наследственного права в России;
 - о системе и видах источников правового регулирования отношений по наследованию;
 - о праве наследования в объективном и субъективном смысле;
 - о круге лиц, могущих призываться к наследованию, об основаниях, времени и месте открытия наследства, а также о порядке определения состава наследственного имущества;

необходимые знания

- понятия, основных признаков и правовой природы завещания как сделки имущественного характера и как основания наследования;
- форм и видов завещательных распоряжений, в том числе особенности субституции, завещательных отказов и возложений;
- порядка исполнения завещания;
- порядка отмены и изменения завещания;

- оснований и последствий признания завещания недействительным полностью или в части;
- соотношения наследования по завещанию и наследования по закону;
- круга наследников по закону и особенности распределения их по очередям;
- особенностей наследования по праву представления;
- круга лиц, имеющих право на обязательную долю;
- порядка перехода к публичным образованиям выморочного имущества;
- особенностей принятия и отказа от наследства;
- порядка и особенностей раздела наследственного имущества, а также порядок наследования отдельных видов имущества — земельных участков, предприятий и т. д.

При проведении занятий по курсу преподавателям рекомендуется предлагать обучающимся задачи для группового обсуждения в целях развития навыков анализа теоретических и практических аспектов толкования и применения норм наследственного законодательства. Для этого предпочтительно использовать тексты судебных решений, опубликованные в справочных правовых системах «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс», а также опубликованные материалы нотариальной практики (соответствующие издания указаны нами в библиографических списках к главам настоящей работы).

Учебник включает в себя восемь глав, освещающих следующие темы.

Наследование в римском частном праве. В данной главе читатель знакомится с историей возникновения и основными этапами развития юридической регламентации наследования в частном праве Древнего Рима и с теми юридическими конструкциями, которые в дальнейшем легли в основу правового регулирования наследственных отношений в странах континентальной правовой семьи, в том числе и в Российской Федерации.

Очерк истории отечественного наследственного права. В этой главе излагаются основные положения о правовом регулировании наследования в нашей стране от русско-византийских договоров X в. до момента вступления в силу части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (1 марта 2002 г.). Помимо действовавших в соответствующие периоды нормативных источников анализируются и материалы законопроектных работ, в частности проекты Гражданских уложений Российской империи 1814 и 1906 гг.

Общие положения о наследовании. Здесь рассматриваются вопросы о понятии и источниках наследственного права; наследовании и его основаниях; времени и месте открытия наследства; составе наследственного имущества; лицах, призываемых к наследованию; недостойных наследниках.

Наследование по завещанию. В данной главе читатель знакомится с понятием и особенностями завещания как сделки и как основания

наследования; нормативным закреплением и содержанием свободы завещания; порядком совершения завещания и его различными формами; особенностями изменения и отмены завещания; правилами толкования и исполнения завещания; основаниями, порядком и последствиями при знании завещания недействительным; особенностями реализации права на обязательную долю в наследстве.

Наследование по закону. Эта глава посвящена анализу понятия и особенностей наследования по закону; порядка призвания к преемству в имуществе умершего наследников первой — восьмой очередей, в том числе наследников по праву представления, свойственников наследодателя и его нетрудоспособных иждивенцев; описывается также процедура перехода выморочного имущества к публичным образованиям.

Приобретение наследства. В данной главе рассматриваются правовой режим лежачего наследства; порядок, способы и правовые последствия принятия наследства и отказа от него; приращение наследственных долей; порядок оформления права на наследство; особенности раздела наследственного имущества.

Наследственное право зарубежных стран и наследование в международном частном праве. Эти главы носят в большей степени ознакомительный характер. Более подробно соответствующий материал изучается в курсах гражданского и торгового права зарубежных государств и международного частного права соответственно, к учебным руководствам по которым мы и рекомендуем обратиться читателю, желающему более детально ознакомиться с данным материалом¹.

Руководитель авторского коллектива кандидат юридических наук
М. С. Абраменков

¹ Исходя из указанных соображений, контрольные вопросы к данным главам авторы настоящего издания не ставили.

Принятые сокращения

Нормативные правовые акты

Конституция РФ — Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ

ЖК РФ — Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ

ЗК РФ — Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ

КоБС РСФСР — Кодекс о браке и семье РСФСР: утвержден Верховным Советом РСФСР 30.07.1969; утратил силу в связи с принятием Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ и Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»

КТМ РФ — Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ

НК РФ — Налоговый кодекс Российской Федерации: часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ; часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ

СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ

Консульский устав — Федеральный закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации»

Основы законодательства о нотариате — Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462—1

Прочие сокращения

БВС РФ — Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации

Ведомости ВС (СССР, РСФСР) — Ведомости Верховного Совета (СССР, РСФСР)

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет

ЕС — Европейский союз

ЗАГС — орган записи актов гражданского состояния Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

РФ — Российская Федерация

СНГ — Содружество Независимых Государств

СУ РСФСР — Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства

абз. — абзац (-ы)

гл. — глава (-ы)

п. — пункт (-ы)

разд. — раздел (-ы)

ст. — статья (-и)

Глава 1

НАСЛЕДОВАНИЕ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- основные этапы возникновения и развития наследственного права Древнего Рима;
- основные положения о наследовании по закону и по завещанию в гражданском праве, преторском праве, императорском законодательстве и кодификации Юстиниана;

уметь

- отграничивать наследственное правопреемство от иных случаев перехода имущества к другим лицам;
- выявлять те юридические конструкции в сфере наследования, которые в дальнейшем были реципированы континентальными правовыми системами;

владеть

- навыками анализа римских юридических источников.
-

1.1. Общие положения

Институт наследования известен гражданскому праву с древнейших времен. Его нормы регулируют отношения по переходу имущественных прав и обязанностей умершего лица к иным субъектам права, причем переход этот осуществляется в особом порядке — как *универсальное правопреемство*. Длительность существования этого института можно объяснить лишь особым значением наследования как для отдельного индивида, так и для общества в целом. В свое время дореволюционный отечественный исследователь И. А. Покровский писал, что «вопрос о судьбе имущества после смерти его субъекта-хозяина имеет огромное как личное, так и общественное значение. Здесь... сталкиваются самые разнообразные интересы, самые противоположные течения, которые дают эволюции наследственного права то одно, то другое направление»¹. Другой дореволюционный автор — К. П. Победоносцев, говоря о роли и значении наследования, указывал, что из всех прав и обязанностей, которыми обладает физическое лицо — субъект

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2003. С. 294.

гражданского оборота «иные. столь тесно связаны с. личностью, что исчезают с ней совершенно. Но большей частью эти права и обязанности не исчезают и не могут исчезнуть со смертью лица по своему объективному свойству, либо коренятся в юридических отношениях, продолжающихся независимо от воли и случая: твердость гражданского союза не позволяет им исчезнуть. Поэтому со смертью лица, бывшего держателем прав и обязанностей по имуществу, возникает в гражданском обществе вопрос о том, кто затем будет держателем этих прав и обязанностей. Кто-нибудь должен быть преемником умершего, если только осталось после него что-нибудь, с чем связано понятие о праве и обязанности гражданской, юридической»¹.

Основные правовые конструкции, регулирующие переход имущества в порядке наследования, были разработаны еще в римском частном праве, и большинство из них было в дальнейшем воспринято с той или иной степенью модификации значительным числом из ныне существующих национальных систем гражданского права. В силу этого важной предпосылкой успешного овладения знаниями в сфере юридической регламентации отношений по наследованию является знакомство с основными положениями наследственного права Древнего Рима.

Прежде всего римским юристам мы обязаны самим понятием наследования: «Наследование есть не что иное, как преемство во всей совокупности прав, которыми обладал умерший» («Hereditas nihil aliud est, quam successio in universum ius quod defunctus habuerit») (Digesta, 17.50.62)². На наследников возлагалась также обязанность отвечать своим имуществом по долгам наследодателя.

Иными словами, концептуальной основой римского наследственного права, которую оно сохранило на всем протяжении своего существования, был тезис о том, что в потомках и иных преемниках умершего субъекта как бы «продолжалась» его личность, т. е. переход имущества по наследству представлял собой *универсальное правопреемство*, при котором наследодатель и наследник считались как бы одним и тем же лицом. На это, кстати, прямо указывалось в одной из новелл императора Юстиниана: «Наши законы рассматривают наследника и того, от кого к нему переходит наследство, как своего рода одно лицо» («Nostris videtur legibus una quodammodo persona heredis et illius qui hereditatem in eum transmittit») (Novellae, 48)³.

Именно такое понимание сущности наследования в настоящее время принято в большинстве стран континентальной — романо-германской — правовой семьи, в том числе и в России (см. гл. 3 настоящего учебника).

¹ См.: Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. М. : Статут, 2003. С. 240—241.

² См.: Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. VII. Полутом 2. М. : Статут, 2005. С. 534—535.

³ См.: Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Юристъ, 1997. С. 222.

В развитии наследственного права в Риме можно выделить следующие основные этапы: а) наследование в древнем цивильном праве; б) наследование по преторскому праву; в) наследование по императорскому законодательству до Юстиниана; г) наследование по праву Юстиниана. Наследование могло осуществляться по закону, если умерший не оставил распоряжений о своем имуществе, либо по завещанию.

1.2. Наследование по закону (*ab intestato*)

Цивильное право. Характеризуя возникновение римского наследственного права, И. А. Покровский отмечал: «Зародившись на почве семейного и родового строя, наследование на первых порах имеет характер некоторого естественного и частной волей неотменимого порядка. Наследниками являются естественно и необходимо те лица, которые ближе к покойному в порядке патриархального родства: если покойный оставил детей, они вступают в его имущество; если детей нет, наследство переходит к тем лицам, с которыми покойный прежде составлял одну семью, и т. д. вплоть до исчерпания рода. Порядок призвания к наследованию определяется, таким образом, самым порядком родства; это последнее составляет естественный закон наследования и в этом смысле можно говорить, что в древнейшее время существует только наследование по закону — *hereditas legitima*. Этот законный порядок вначале стоит выше всякой частной воли и имеет характер неотменимости»¹.

В то же время уже положения Законов XII таблиц, касающиеся наследования, начинались со слов: «Да будет так, как постановит домовладыка о судьбе своего имущества и об опеке над ним. Если же умрет, не оставив завещания...»

При этом характерной чертой римского наследственного права, которую оно сохранило навсегда, было положение о том, что «право не допускает, чтобы одно и то же лицо умерло, одновременно и оставив завещание, и без завещания» (*Digesta*, 50.17.7)². Например, если в завещании наследнику передавалась четверть имущества, то он считался преемником во всей совокупности имущественных благ, принадлежавших наследодателю.

Если умерший не выразил свою волю относительно судьбы принадлежавшего ему имущества, то оно распределялось между тремя классами наследников. Прежде чем охарактеризовать состав каждого из классов, обратим внимание на одно существенное обстоятельство. Как отмечает И. А. Покровский, отличительной чертой цивильной системы наследования без завещания было отсутствие распределения наследников по очередям, т. е. к преемству в имуществе умершего при-

¹ Покровский И. А. История римского права. М. : Статут, 2004. С. 490.

² См.: Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. VII. Полутом 2. С. 525.

зывались те лица, которые были наиболее близки к умершему в момент смерти, и если они не принимали наследство, то оно не переходило к дальнейшим родственникам наследодателя, а становилось выморочным¹. Таким образом, классы наследников в римском гражданском праве нельзя отождествлять с очередями в современном их понимании.

Первый класс наследников составляли те, кто находился под властью домовладыки-наследодателя (*paterfamilias*) — *sui heredes* («свои наследники»). К нему относились супруга в браке *in manu*, дети и усыновленные покойным лица, а также внуки от умерших ранее сыновей и дочерей наследодателя. Причем если в наследовании участвовали внуки умершего, то имущество делилось между преемниками поколенно (*per stirpes*) поровну: внуки вместе получали ту часть наследства, которая причиталась бы их родителю, если бы он был в живых (наследование по праву представления — *successio in iure representationis*).

Говоря о призвании к преемству этой категории лиц, необходимо уточнить, что переход к ним имущества все-таки не был наследованием в строгом смысле. Дело в том, что все то, на что распространялась власть домовладыки — его домочадцы, рабы, материальные имущественные ценности, составляло особый единый комплекс — *familia*. Соответственно, уже при жизни *paterfamilias* его подвластные были участниками семейного хозяйства и домашнего религиозного культа, а имущество, входящее в состав *familia*, служило нуждам всей семьи и после смерти главы дома оставалось в той же семье — у «своих», не переходя к посторонним лицам. На это обращал внимание, в частности, Павел: «Представляется очевидным, что для своих наследников непрерывность собственности приводит к тому, что считается, будто не было никакого наследования». Например, сын после смерти отца «получает скорее не наследство, а неограниченное управление имуществом» (*Digesta*, 28.2.11)².

Ко *второму классу наследников* относились члены семьи — ближайшие *агнаты* умершего (*agnati proximi*). Прежде чем охарактеризовать состав данного класса, опишем в общих чертах строение римской агнатической семьи.

Агнатами считались лица, подчиненные власти одного домовладыки в прошлом, или же те, кто был бы ему подчинен, если бы *paterfamilias* не умер. Агнатическое родство определялось линиями и степенями. *Линия* могла быть *прямой*, если, например, одно лицо происходило от другого (отец и сын, дед и внук — агнаты по прямой линии), или *боковой*, если лица не происходили друг от друга, но имели общего предка (братья, дядя и племянник — агнаты по боковой линии), а также *восходящей* (от лица к его предкам) или *нисходящей* (от лица к его потомкам). *Степень* агнатического родства определялась для прямой линии числом

¹ См.: Покровский И. А. Указ. соч. С. 494.

² См.: Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. V. Полутом 1. М. : Статут, 2004. С. 39.

рождений, отделявших данное лицо от домовладыки (сын был его агнатом первой степени, внук — агнатом второй степени и т. д.), а для боковой линии — общим числом рождений, отделявших двух лиц от общего для них *paterfamilias* (братья — агнаты второй степени, имеют общего отца; дядя и племянник — агнаты третьей степени, общим предком для них является отец дяди, т. е. дед племянника, и пр.).

Для наглядности изобразим строение римской агнатической семьи в виде схемы (рис. 1.1).

Рис. 1.1. Римская агнатическая семья

Итак, во второй класс наследников включались братья и сестры наследодателя, а также его мать, если она состояла с отцом в браке *cum manu*, т. е. лица, находящиеся во второй степени агнатического бокового родства с покойным (мать по отношению к умершему в этом случае была *in loco sororis* — в положении сестры, что и служило основанием приравнивания ее к агнатам второй степени). Если не было агнатов второй степени, то призывались агнаты третьей степени и т. д. Все наследники одинаковой степени делили между собой наследство *in capita* (поголовно). Женщины призывались к наследованию, включая полнородных сестер умершего, но не далее.

Третий класс наследников составляли члены рода умершего — *gentiles*. По мнению И. А. Покровского, «первоначально... имущество шло в род (*gens*) как таковой, причем от рода зависело распорядиться им как

угодно; позже наследство, по-видимому, разделялось между отдельными gentiles. Но уже к концу республики вместе с окончательным падением патрицианской родовой организации этот класс наследников исчез»¹.

Преторское право. С развитием гражданского оборота гражданская система наследования ab intestato все более обнаруживала свое несоответствие потребностям времени. В частности, узость круга законных наследников, обозначенного в Законах XII таблиц, нередко приводила к тому, что имущество, не принятое никем из указанных лиц, становилось бесхозным и, следовательно, могло быть захвачено кем угодно.

Правила преторского эдикта, не отменяя формально положений гражданского права (считалось даже, что претор действует лишь в целях «развития», «восполнения» и «исправления» его норм), существенным образом корректировали их, прежде всего за счет включения в число наследников — по терминологии эдикта «владельцев наследственного имущества» — наряду с агнатами, также и *когнатов* умершего — его кровных родственников, которые ранее к преемству в имуществе не призывались. В эдикте было установлено четыре разряда наследников, причем в отличие от классов в гражданском праве, в случае непринятия наследства лицами, входящими в предыдущий разряд, имущество не становилось выморочным, а переходило к наследникам следующего разряда, что позволяет говорить о постепенном формировании очередности преемства.

К *первому разряду* (unde liberi) относились все дети умершего и лица, приравненные к детям. Сюда включались, во-первых, все лица, являющиеся sui heredes по гражданскому праву, и, во-вторых, эманципированные — освобожденные из-под родительской власти — дети наследодателя, а также дети, отданные им в усыновление, если к моменту смерти отца они не находились под властью усыновителя. Родственники ближайшей степени родства отстраняли более отдаленных, внуки и иные потомки детей умершего наследовали по праву представления. В то же время новый порядок наследования в определенной степени ухудшал положение неэманципированных детей наследодателя и его внуков от эманципированных детей.

С одной стороны, все имущество подвластных — продукт их труда — поступало в состав наследственной массы. С другой стороны, эманципированный сын домовладыки, помимо освобождения из-под власти последнего, получал известный выдел из имущества и затем уже трудился сам на себя. Следовательно, эманципированные дети умершего в аспекте своих наследственных прав находились в более выгодном положении по сравнению с подвластными детьми. В целях исправления создавшейся ситуации преторский эдикт предписывал, чтобы эманципированные дети при наследовании вносили в состав наследственной массы все свое имущество, и только после этого осуществлялось ее распределение между наследниками.

¹ См.: Покровский И. А. Указ. соч. С. 507.

Ухудшение положения внуков наследодателя от его эманципированных детей обуславливалось тем, что они отстранялись от наследования своим отцом как более близким родственником по отношению к *paterfamilias*. В дальнейшем в преторский эдикт были внесены изменения: эманципированный сын должен был разделить свою долю пополам со своими детьми.

Состав трех последующих разрядов определялся так: а) *второй разряд* наследников (*unde legitimi*) состоял из *sui heredes*, за исключением эманципированных детей, а также *agnati proximi* (при отсутствии *sui heredes* наследовали только агнаты); б) в *третий разряд* (*unde cognati*) входили кровные родственники умершего до шестой степени родства включительно, а также дети троюродных братьев и сестер. Следовательно, в составе этого разряда могли наследовать кровные родственники из числа *sui heredes*, эманципированные дети, дети, отданные на усыновление, даже если они находились под властью усыновителя. В боковых линиях наследственные права женщин не ограничивались. Родственники ближайшей степени родства отстраняли более дальних, родственники одинаковой степени делили наследство поровну; в) в качестве наследников *четвертого разряда* (*unde vir et uxor*) призывались пережившие супруги — муж после жены и жена после мужа.

Таким образом, преторская система наследования, в противоположность древнему цивильному праву, основывалась на последовательном призывании к преемству в имуществе умершего одних степеней и разрядов наследников за другими (*successio ordinum et graduum*).

Императорское законодательство. В период империи все большее усиление значения когнатического родства заставляет законодательство идти далее по пути, намеченному преторским эдиктом. Целый ряд отдельных законов осуществляет эту тенденцию, усиливая наследственные права тех или других когнатов за счет агнатов. Первый шаг в этом направлении был сделан при императоре Адриане, когда женщине было предоставлено цивильное право наследования после ее детей. Вследствие этого мать призывалась теперь не в третьем, а во втором классе: ее отстраняют от наследования только собственные дети умершего, его отец и братья; с сестрой покойного мать делит наследство пополам.

В дальнейшем специальным актом Сената 178 г. (*senatus-consultum Orphitianum*) при Марке Аврелии и Коммодe было предоставлено такое же наследственное право во втором классе наследников детям после матери. Закон императоров Валентиниана, Феодосия и Аркадия расширяет права детей на наследование после родственников с материнской стороны.

В конце концов, благодаря этим многочисленным, но частичным поправкам принцип агнатического родства был значительно потеснен, но вся система наследования по закону приобрела чрезвычайно сложный и запутанный вид.

Наследование в праве Юстиниана. Двумя своими новеллами — 118 (543 г.) и 127 (548 г.) император Юстиниан ввел новую систему насле-

дования без завещания, основанную исключительно на когнатическом родстве. Все наследники делились на четыре разряда: а) к *первому* относились нисходящие родственники умершего — дети, внуки и т. д. При этом внуки наследовали по праву представления, т. е. получали долю, которая причиталась бы их умершему родителю; б) во *второй разряд* входили ближайшие восходящие родственники наследодателя — родители, деды, бабушки, а также его полнородные братья и сестры (дети последних наследовали по праву представления). Если наследовали только восходящие, то имущество распределялось по линиям — по половине наследства получали восходящие со стороны отца и матери наследодателя; в) в качестве наследников *третьего разряда* призывались неполнородные братья и сестры умершего (единокровные — происходящие от одного с умершим отца, но от разных матерей, или единоутробные — имевшие общую с умершим мать, но разных отцов), а также их дети — по праву представления; г) *четвертый разряд* наследников — остальные боковые родственники без ограничения степеней. В отношении наследования супругами было установлено правило о том, что неимушная вдова наследовала вместе с призываемыми и получала 1/4 часть имущества, но не более 100 фунтов золотом. Если она наследовала вместе с детьми, то получала свою долю имущества в узурфрукте.

1.3. Совершение завещания

Общие положения. Хотя наследование по завещанию появляется в истории римского общества позже наследования по закону, но с тех пор как оно появилось, оно очень скоро заняло в Риме первенствующее значение: уже в Законах XII таблиц положения о наследовании по закону начинаются условием «*si intestato moritur*» («если умрет, не оставив завещания»), предполагая, очевидно, завещание как нечто само собой разумеющееся. В подтверждение тому Гай в своих «Институциях» указывает, что свойства наследств имеют определенные условия, так как наследства переходят к нам или по завещанию, или по закону.

В дальнейшем в римском частном праве это первенствующее значение завещания еще более возросло, и если мнение Ф. Лассалея, полагавшего, что «для римлянина завещание было тем же, чем для египтянина его надгробный памятник»¹, представляется некоторым преувеличением, то во всяком случае не подлежит сомнению, что с точки зрения общего духа римского права наследование по завещанию стоит на первом месте. В то же время характер древнейшего римского завещания является в высокой степени спорным².

Как же понималось завещание в римском частном праве? «Завещание есть правомерное выражение воли, сделанное торжественно для

¹ Lassale F. System der erworbenen Rechte. Bd. II. S. 21 // Цит. по: Покровский И. А. История римского права. М. : Статут, 2004. С. 496.

² Покровский И. А. История римского права. М. : Статут, 2004. С. 496.

того, чтобы оно действовало после нашей смерти» — такое определение, ставшее одним из классических, было дано Ульпианом (D. 20.1.1). Подобным образом выражается и Модестин, говоря, что завещание есть «правомерное выражение...воли, когда кто-то желает, чтобы нечто было сделано после его смерти» (D. 28.1.1). Сразу стоит сказать, что данные определения, будучи не идеальными с точки зрения современности, тем не менее отражает истинную правовую природу завещания — оно квалифицируется в качестве *волевого акта* лица, а не просто юридического факта, как это зачастую принято сейчас. По мнению М. Х. Гарсиа Гарридо, «речь идет о торжественном заявлении в присутствии свидетелей. Подчеркивается воля (*voluntas*) или намерение (*mens*) завещателя. Заявление должно быть сделано в торжественной форме и в соответствии с требованиями права. Это распоряжение, посредством которого завещатель объявляет свою волю относительно того, что должно быть сделано после его смерти». Автор определяет римское завещание, как одностороннее волеизъявление, торжественно выраженное перед свидетелями, которое содержит распоряжения на случай смерти (*mortis causa*) и, главное, назначение наследника¹.

Формы завещания. Гай указывает, что квинитское право знало две *формы завещания*: 1) *testamentum comitis calatiis* и 2) *testamentum in procinctu*. В обоих случаях процедура учинения тестаментарного акта заключалась в выражении воли наследодателя перед римским народом. Различия между этими двумя формами завещания состояли в порядке и условиях, в которых они совершались. Первое из них учинялось перед куриальным собранием, которое собиралось два раза в год, а второе — перед войском (*procinctus*), готовым к бою, которое собиралось уходить в поход. Иначе говоря, одни завещания составлялись во время мира и покоя, а другие — перед выступлением на поле сражения (I. 2. 101).

Обе эти древнейшие формы завещания представляли ряд недостатков: а) и та, и другая неизбежно влекли за собою гласность завещательных распоряжений, которая не всегда соответствовала интересам завещателя; б) *testamentum comitiis calatis* могло совершаться только дважды в году в определенные дни, а *testamentum in procinctu* было недоступно лицам, не входившим в состав войска, в частности старикам и больным, т. е. тем, кто был особенно заинтересован в совершении завещаний.

По этой причине с течением времени наряду с имеющимися видами выражения посмертной воли в обиход вошел еще один, который именовался «*testamentum per aes et libram*» (завещание с помощью меди и весов)². Завещатель передавал с помощью *mancipatio* (передача постороннему лицу) все свое имущество доверенному лицу (*familiae emptor*), который обязывался выполнить последнюю волю завещателя³. Перво-

¹ Гарсиа Гарридо М. Х. Указ. соч. С. 678.

² Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Юристъ, 2004. С. 228.

³ Там же. С. 227.

начально речь шла не об имуществе (*familia pecuniaque*), а о *familia* — показателе места в семейной структуре. Этой стадии соответствует устойчивое название контрагента: «*familiae emptor*» (семейный покупатель). *Familia* не приобретается, а берется под охрану и в управление (*mandatum*, от «*manum dare*» — давать руку, брать под свое покровительство), но этого было достаточно, чтобы завещатель мог указать, кому ее следует передать для окончательного усвоения¹. Устная форма данного завещания (*nuncupatio*) делала его не до конца приемлемым для такой процедуры, как формирование последней воли, поэтому впоследствии была введена письменная форма завещания, в период доминанта появились иные формы публичных завещаний². Как можно увидеть из изложенного, совершение завещания было четко формализовано, однако из данного правила делались исключения, в частности для солдат, по причине чрезвычайной их неопытности; поэтому их завещание считается действительным во всяком случае, хотя бы они и не призвали законного числа свидетелей и не продали наследственного имущества мнимым образом и не заявили бы торжественно о своей последней воле (I. 2. 109).

В эпоху Юстиниана тестаментарное право подверглось определенной модификации, и прежде всего, было введено различие частных и публичных форм завещания.

Частные завещания могли быть устными и письменными. Устное завещание совершалось посредством заявления, сделанного завещателем в присутствии семи свидетелей. Закрытое, или письменное, завещание в романистической литературе называется иногда «трехчастным», потому что оно содержит в себе заимствования по трем линиям: от гражданского права берет одновременное присутствие свидетелей, из преторского — требование семи печатей свидетелей, из императорского — подписи этих свидетелей³.

Среди письменных форм также выделялись «холограф» (*testamentum holographum*), т. е. завещание, полностью написанное рукой завещателя и подписанное им, и «аллограф», т. е. завещание, продиктованное завещателем и им только подписанное. Примечательно, что вне зависимости от форм завещания в процессе их совершения неизменно принимают участие все те же семь свидетелей.

Наряду с описанными формами завещания в Юстиниановом законодательстве вводятся другие, при совершении которых присутствуют участие судьи или государственные чиновники. Сама же процедура при этом заключалась в занесении завещания в официальные книги записей, которые ведут провинциальные или городские власти (*arud*

¹ Дождев Д. В. Римское частное право : учебник / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2011. С. 665.

² Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. С. 229.

³ Гарсиа Гарридо М. Х. римское частное право: казусы, иски, институты / пер. с исп. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М. : Статут, 2005. С. 683.

acta), или в сдаче завещания в императорскую канцелярию (*principi oblatum*)¹.

Помимо общих, существовали и специальные формы завещания, усложненные для одних и упрощенные для других, экстраординарных случаев. К примеру, завещание в поле (*ruri conditum*) по конституции Юстиниана 534 г. н.э. (C.I. 6.23.31; Nov. 73.9) могло быть объявлено перед пятью свидетелями, когда не удавалось найти требуемых семи. Если завещание было составлено письменно, свидетели, умеющие писать, подписывали его вместо тех, кто не умеет писать, но требовалось, чтобы все были знакомы с содержанием завещания, которое они должны подтвердить после смерти завещателя. Завещание слепого в классическую эпоху могло быть совершено в устной форме акта манципации (Paulus, Sent. 3.4a.4); в постклассическом праве слепой должен был продиктовать завещание нотариусу либо секретарю перед семью свидетелями или поручить его написанию восьмому свидетелю в присутствии всех остальных (C.I. 6.22.8; I. Inst. 2.12.4). Завещание неграмотного требовало присутствия восьмого свидетеля, который подписывается за завещателя (Nov. 16.3 Феодосия II и Валентиниана III). Завещания в пользу Церкви и на благотворительные цели (*piae causae*), по решению Константина, были свободны от соблюдения установленных законом форм (C.Th. 16.2.4). Другие привилегии, предоставленные христианской Церкви, распространялись на благотворительные цели (C.I. 1.2.14; 1.2.25(26))².

Наконец, вследствие «крайней неопытности» в делах были вовсе свободны от формальностей завещания солдат — *testamentum militis*. Их особенность заключалась в признании полной свободы воина в учинении этого документа, как сообщает Ульпиан: «пусть они составляют завещания так, как желают, пусть они составляют их так, как могут, и пусть одной только воли завещателя будет достаточно для распределения его имущества»³. Политика «лояльности», упрощения процедуры при совершении завещаний свидетельствует о том, что главное значение для римского быта имела не форма, а воля завещателя, о чем свидетельствует, в числе прочего, допущение кодициллов, которые считались приложением к завещанию, их появление — это стремление к более простой форме выражения воли завещателя.

Завещательная правоспособность имела две разновидности — способность завещать имущество (*testamenti factio activa*) и способность быть наследником по завещанию (*testamenti factio passiva*). По общему правилу завещательной правоспособностью обладали лица, которые были полностью правоспособны в сфере имущественных отношений. Однако из данного положения имелся ряд исключений. В част-

¹ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М. : БЕК, 2002. С. 309.

² Гарсия Гарридо М. Х. Указ. соч. С. 684.

³ Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. V. Полутом 1. М. : Статут, 2004. С. 195.

ности, женщины до II в. были вовсе лишены возможности составлять завещания. Начиная же со II в. женщина могла совершить завещание с согласия опекуна, а в праве Юстиниана была полностью уравнена с мужчиной в отношении активной завещательной правоспособности. Кроме того, не могли завещать имущество такие категории лиц, как *intestabilitas* — те, кто присутствовал при совершении гражданских сделок, а затем отказывался подтвердить факт их совершения, а также — в праве Юстиниана — еретики.

Пассивной завещательной правоспособностью наделялись, прежде всего по аналогии с активной ее разновидностью, полностью правоспособные лица. Наследником в завещании мог быть также назначен раб — как принадлежащий наследодателю, так и чужой. В первом случае раб становился свободным, но не мог отказаться от наследства, являясь необходимым наследником. Во втором случае раб принимал наследство по приказу своего хозяина, и именно последний становился обладателем имущества. Лишь в одном случае раб мог самостоятельно решить, принимать ему наследство или нет: если к моменту открытия наследства он был освобожден из рабства. *Intestabilitas* и еретики не могли быть наследниками по завещанию.

В 169 г. до н.э. был принят закон (*Lex Voconia*), в соответствии с которым не могли наследовать по завещанию женщины после граждан, обладавших имуществом на сумму более 100 000 сестерций. Это ограничение было направлено на воспрепятствование расточительности женщин из высших общественных слоев. В дальнейшем с отпадением ценза оно утратило всякое значение.

Каких-либо особых предписаний относительно хранения и вскрытия завещаний не существовало. Закон императора Августа (6 г. н.э.), введший 5 %-ную пошлину с наследства (*vicesima hereditatum*), в целях фискального контроля предписал под угрозой штрафа в течение пяти дней после смерти завещателя предъявлять завещание магистратам, в присутствии которых и происходила затем торжественная процедура вскрытия завещания. Навощенные таблички с текстом завещания предъявлялись лицам, которые были свидетелями при его составлении, для опознания своих печатей и подписей, а затем шнур разрезался, завещание раскрывалось и оглашалось.

1.4. Содержание завещания

Назначение наследника. Особенностью римского завещательного наследования было непреложное требование о том, что распоряжение имуществом на случай смерти обязательно должно было содержать условие о назначении наследника — *institutio heredis*, что составляло суть завещания (*caput et fundamentum testamenti*). При этом сама форма, в которой совершается назначение, должна была быть торжественной, например: «Тиций да будет моим наследником» («*Titius heres mihi esto*»). Это требование, очевидно, сохраняло силу с тех времен, когда

завещания совершались публично и завещатель должен был выразить свою волю таким образом, чтобы не оставалось сомнений в его намерениях. Всякие иные выражения, даже если по смыслу они совпадали с приведенной формулой, не считались достаточными для назначения наследника и не сообщали завещанию законной силы. Лишь императорская конституция 339 г. разрешила наследодателю назначать себе преемника в свободной форме (*quibus-cumque verbis*).

Наряду с обычным назначением наследника в завещании могло содержаться также распоряжение о *субституции* — подназначении наследника (*substitutio heredis*), когда завещатель указывал, кому должно перейти его имущество, если основной наследник, указанный в завещании, не сможет по каким-либо причинам наследовать, например умрет ранее завещателя. Особую разновидность подназначения составляла субституция, когда родители назначали наследника своему малолетнему или безумному нисходящему на случай, если он станет наследником, но умрет до наступления совершеннолетия или до выздоровления.

Легаты и фидеикомиссы. Наряду с назначением наследника (но непременно вместе с таким назначением) завещание могло содержать особые распоряжения о возложении на наследника определенных имущественных обязанностей в пользу третьих лиц — завещательный отказ, легат (*legatus*).

Такие лица становились сингулярными правопреемниками умершего — к ним переходили только имущественные права. Существовало четыре вида легатов¹.

Первый вид — *виндикационный легат* (*legatum per vindicationem*). Этот легат устанавливался обыкновенно посредством формулы «даю и отказываю» («do, lego») — «Я даю и отказываю Луцию Тицию раба Стиха» («Lucio Titio servum Stichum do, lego»). Как видно из названия данного вида завещательного отказа, с его помощью завещатель мог обязать наследника передать кому-либо определенную вещь. Выгодоприобретатель — легатарий (*legatarius*) получал в момент принятия наследства наследником сразу право собственности на отказанную вещь и мог в случае невыдачи предъявить виндикационный иск. Второй вид — *дамнационный легат* (*legatum per damnationem*) — это распоряжение, при установлении которого употреблялась формула «Мой наследник да будет обязан дать сто Луцию Тицию...» («Heres meus Lucio Titio... dare damnas esto»). Этим легатом на наследника возлагалось обязательство исполнить то, что отказано. С помощью так называемого *непрепятствующего легата* (*legatum sinendi modo*) наследник обязывался только позволить (не мешать) легатариям взять отказанную вещь; вероятно, это лишь некоторая модификация *legatum per damnationem*. Еще одна разновидность легата — *legatum per praeseptionem*. При этом легате, очевидно, отказополучатель приобретал долю в наследстве до его раздела. Природа данного вида легата до конца не выяснена.

¹ Покровский И. А. Указ. соч. С. 528—529.

Легаты подчинялись таким же формальным требованиям, как и завещание вообще. Малейшая ошибка в выборе надлежащей формы легата (например, если была отказана *per vindicationem* вещь, не принадлежащая завещателю, которую — по мысли завещателя — наследник должен еще купить) вела к полной его ничтожности. В дальнейшем этот формализм ослабляется, а затем и вовсе исчезает. В частности, один из сенатусконсультов, принятых при императоре Нероне (*senatusconsultum Neronianum*), установил, что в случае ошибки в форме легат должен иметь силу *legatum per damnationem*, т. е. давать легатарии только обязательственное требование против наследника. После того как была отменена необходимость известных стереотипных выражений для *institutio heredis*, она была отменена и для легатов законом императора Констанция (339 г.).

Содержание завещания. Наряду с легатами в римском праве существовала еще одна форма возложения на наследника имущественной обязанности в пользу третьих лиц — *фидеикомиссы*. Они возникли из тех неформальных, личных просьб выдать кому-либо что-то или выполнить что-то для кого-либо, с которыми наследодатель нередко обращался к наследнику перед смертью, уповая, следовательно, не на защиту закона, а лишь на «добрую совесть» наследника — *fides*, откуда и возникло слово «фидеикомисс». Основные различия между легатами и фидеикомиссами состояли в том, что последние могли возлагаться и на наследника по закону, не требовалось непременно включения их в завещание, и, кроме того, они не обременялись строгими предписаниями в отношении формы совершения. Распространенной формой возложения фидеикомиссов был *кодицилл* — письмо на имя наследника. Более того, нередко в завещание включалась оговорка о том, чтобы наследник рассматривал его как кодицилл (*clausula codicilliaris*) на тот случай, если оно не полностью соответствовало установленной форме.

Различие между легатами и фидеикомиссами с течением времени постепенно сглаживалось. Этот процесс был закончен Юстинианом. Своим указом 529 г. он установил, что как всякий легат, так и всякий фидеикомисс рождает для лица, в пользу которого установлен, обязательственное требование против наследника, снабженное законной ипотекой на наследственное имущество. Сверх того, если объектом отказа является вещь, находящаяся в составе наследственной массы, то легатарий или фидеикомиссарий имеет право виндицировать ее. Указ 531 г. подтвердил окончательно тождество легатов и фидеикомиссов. Одновременно были ужесточены формальные требования к кодициллам — они должны были совершаться в присутствии пяти свидетелей.

Фидеикомисс мог охватывать не только часть наследственного имущества, но и все наследство в целом — так называемый *универсальный фидеикомисс* (*fideicomissum hereditatis*). В результате наследник сохранял только формально свой статус наследника, а права и обязанности наследодателя переходили на фидеикомиссария.